

Морфосинтаксические особенности русского языка в закарпатском Солотвине и приднестровском Тирасполе

Angela PALÁGYI*

ELTE BTK Orosz Nyelvi és Irodalmi Tanszék, H-1088 Budapest, Múzeum krt. 4/D., Magyarország

Received: 27 April 2022 • Accepted: 27 June 2022

© 2022 The Author

АННОТАЦИЯ

Данная работа представляет результаты нашей полевой работы, проведенной с 2004 года по 2011 год в двух трехязычных городах: Солотвино (Закарпатская область, Украина) и Тирасполь (Приднестровье, Молдова) и направленной на выявление функционирования русского языка как языка-посредника между национальными меньшинствами этих населенных пунктов: между венграми и румынами в Солотвине и между молдаванами и украинцами в Тирасполе. Мы делали письменные заметки, записи спонтанной речи, а также интервьюировали собеседников. Для выявления особенностей русского языка респонденты делали письменные и устные переводы, писали сочинения и заполняли тесты. Нашей целью было выявление сходств и различий между этими двумя языковыми ситуациями, а также описание местного варианта русского языка.

В первой части работы представлены изучаемые языковые сообщества, особенность которых состоит, с одной стороны, в том, что в обоих случаях языки национальных меньшинств относятся к разным языковым семьям. С другой стороны, русский язык в Приднестровье имеет статус государственного языка наряду с украинским и молдавским и преподается во всех учебных заведениях Приднестровья, а в Закарпатье, как и на всей Украине, он не имеет никакого официального статуса. В Солотвине еще действуют венгерская и румынская школа наряду с украинской, но русский язык уже нигде не преподается в последние 6 лет. Несмотря на это, даже местные дети продолжают пользоваться русским языком в общении с иноязычными соседями. Многоязычие сохранилось именно благодаря потерявшему коннотацию языка власти и ставшему «нейтральной», «сверхнациональной» *lingua franca* русскому языку.

* Corresponding author. E-mail: palagyi.angela@btk.elte.hu

Во второй части работы описаны некоторые фонетические, лексические и грамматические особенности солотвинского русского языка в сопоставлении с русским языком в Тирасполе. Местный русский язык подвергается всестороннему влиянию близкородственного официального украинского языка и, в меньшей мере, неродственных румынского и венгерского языков, которые в сознании местных говорящих резко отделяются от языков славянской группы.

В третьей части работы мы рассматриваем результаты тестов по использованию глагольного вида школьниками данных населенных пунктов. Мы уделили особое внимание глагольному виду, так как он не имеет полноценного аналога ни в румынском / молдавском, ни в венгерском языках и правильность его использования доказывает высокий уровень владения языком. В случае употребления видовых пар, интерференция с украинской грамматикой может даже оказаться «положительной» по сравнению с интерференциями из румынского и венгерского субстратов. Однако знания солотвинских школьников не имеют теоретической основы, и, скорее всего, свидетельствуют о «панграмматическом» подходе к вопросу глагольного вида, так как они осваивают русский язык в процессе общения и спонтанной речи.

В заключение мы приводим примеры из сочинений школьников о местных языках и даем прогнозы по поводу возможного будущего русского языка в исследуемых регионах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

многоязычие, государственный язык, русский язык как *lingua franca*, русский язык на постсоветском пространстве, национальные меньшинства, интерференции, региональный вариант русского языка, глагольный вид

1. Представление изучаемого языкового пространства. Нижеприведенные данные являются результатом полевой работы, проведенной между 2004 и 2011 годами в поселке городского типа Солотвино¹ в Закарпатье и в городе Тирасполь² в Молдове. В Приднестровье *de jure* три официальных языка (молдавский, русский и украинский), а *de facto* русский язык является главным и на официальном уровне, и в делопроизводстве. В Закарпатье языковая ситуация противоположна с точки зрения официальных языков, где (как и на всей Украине) действует один единственный государственный язык – украинский, но где в действительности функционирует несколько языков (русский, венгерский, румынский

¹ Шахтерский городок Солотвино (*Aknaszlátina, Slatina*) находится на украинско-румынской границе, на берегу реки Тисы и в 100 км от венгерской границы. В нем проживает приблизительно 9000 жителей (30% венгров и 60% румын). Титульная нация составляет примерно 5% населения. Такой национальный состав является довольно уникальным в том смысле, что два национальных меньшинства формируют преобладающее большинство одного населенного пункта.

² Тирасполь – 150-тысячный город, столица Приднестровской Молдавской Республики. Этнический состав Тирасполя, согласно данным переписи 2004 г., характеризуется преобладанием русских – 41,6% и украинцев – 33,0%. Молдаване составляют 15,2%, а представители других национальностей (в основном гагаузы, болгары, белорусы, евреи и армяне) – 10,2%. В Приднестровье русский язык был всегда самым престижным и распространенным, особенно из-за «иноязычного окружения», и остался таковым и после распада Советского Союза, благодаря формированию Приднестровской самопровозглашенной Республики в 1990 году, которая, напомним, *de jure* входит в состав Молдовы, а *de facto* является независимым государством и находится под покровительством России.

и др.). В Солотвине, согласно национальному составу населения, действуют три школы: венгерская, румынская и украинская, в которой до 2015 года действовал один из последних в Закарпатье классов с русским языком обучения. Заметим, что ни в венгерских, ни в румынских, ни в украинских классах не преподается русский язык. Но, несмотря на это, на улицах Солотвина можно услышать русский язык и от детей, и от подростков, и тем более от старшего поколения. Это уникальная ситуация спонтанного выживания русского языка без какой-либо официальной поддержки.³

Жители этих населенных пунктов как минимум двуязычны, нередко трехязычны, или даже четырехязычны. Именно благодаря этому двуязычию или многоязычию русский язык, вытесненный из обихода в других регионах Украины и Молдовы, в этих языковых сообществах сохранил свою роль как «средство межэтнической коммуникации». Во время наших наблюдений мы заметили, что возможность перейти на общий, русский язык привлекательна еще и потому, что новый государственный язык в этих постсоветских республиках воспринимается национальными меньшинствами как «принужденный сверху», или же имеет коннотацию фольклорно-деревенского языка по сравнению с русским. Многие солотвинцы, а также тираспольчане владеют языком соседнего этноса, но, несмотря на это, с иноязычным собеседником они ведут разговор на русском языке. К русскому языку прибегают как к нейтральному,⁴ общепонятному языку. Таким образом, русский язык, потеряв коннотацию языка власти, стал более привлекательным, в первую очередь, как средство межэтнического общения. Эта функция сегодня считается многими – особенно политиками, но и некоторыми лингвистами тоже – анахроничной и даже «политически некорректной». В некоторых постсоветских республиках применение русского языка в роли языка межнационального общения рассматривается как вредное «коммунистическое» наследие. Участники государственных языковых комиссий пытаются доказать непригодность русского языка как средство межэтнической коммуникации, ссылаясь на его «экзогенность» и «печать угнетающего языка», оплакивая языковые права местных национальных меньшинств, которые «вынуждены» пользоваться русским языком в ущерб своим национальным языкам (MOLDOVAN 2008: 27–28). Тем не менее, местные национальные меньшинства продолжают пользоваться русским языком предпочтительно в общении с представителями других национальных меньшинств,⁵ а в Приднестровье – и в официальной сфере.

Посредством тестов, опросных листов, анкет, магнитофонных и письменных записей мы анализировали характерные черты русского языка в многоязычной среде Солотвина и Тирасполя. Мы рассмотрим ниже некоторые особенности местного русского языка на грамматическом уровне. Сравнительный анализ основывается, с одной стороны, на

³ Следует отметить, что в период подготовки данной статьи к печати геополитическая и, несомненно, языковая ситуация в исследуемом регионе подвергается резким изменениям в связи с вооруженным конфликтом между Россией и Украиной, начавшимся 24 февраля 2022 г.

⁴ По вышеупомянутым причинам отношение к русскому языку, возможно, также изменится.

⁵ Нам удалось онлайн разыскать одного своего старого информанта, учителя в Солотвине, который подтвердил, что до сих пор не только взрослые, «но и большинство детей общаются между собой на русском, потому что они румыны, а они общаются с другими национальностями в основном на русском. У нас украинцев истинных мало, но, тем не менее, уже многие знают украинский и хорошо разговаривают на этом языке, все, как венгры, так и румыны. Изучают в школе» (А. В., Солотвино, 5 апреля 2022 г.).

письменных тестах, проведенных в школе с венгерским языком обучения в Солотвине⁶ в 2008 г. (было опрошено 27 школьников 8 и 11 классов) и в румынском лицее г. Тирасполя⁷ в 2009 г. (56 респондентов 7–10 классов). С другой стороны, мы сравнивали результаты тестов, заполненных в украинско-русской школе Солотвина⁸ (93 школьника 4–10 классов) и в одной русской школе пригорода Тирасполя⁹ (37 школьников 6–10 классов).

2. Морфосинтаксические замечания. Любой современный язык представляет собой «сплав языковых элементов, происходящих из разных, родственных и неродственных, языков и диалектов» (Мечковская 2000: 169). В процессе языковых контактов разные языковые аспекты имеют разные степени податливости изменениям, и они по-разному проницаемы. Легко «проницаемыми» являются фонетический и лексический уровень языка, а самым устойчивым и менее «проницаемым» считается морфологический уровень. Примечательно по этому поводу замечание Ш. Рота, исследующего венгерско-славянские языковые контакты в Закарпатье: «В условиях перманентных, маргинальных и интрарегиональных языковых контактов генеалогически неродственных и структурно-типологически разных языков все языковые уровни, за исключением морфологического, проницаемы» (Рот 1973: 363–364). З. И. Высоцкая и Г. Д. Джунусалиева утверждают, что в условиях русско-украинского двуязычия ошибки, связанные с нарушением морфологических норм языка, встречаются гораздо реже, чем на фонетическом уровне, но «они являются более стойкими и с трудом поддаются корректировке» (Высоцкая–Джунусалиева 2009: 30). Во время нашей полевой работы в Солотвине, а также в городе Тирасполь нам удалось зафиксировать гораздо меньше морфологических интерференций, нежели лексических или фонетических. Чаще всего, замеченные нами морфологические особенности местного разговорного языка порождены интерференциями синтаксического уровня. Поэтому мы будем их рассматривать вместе.

Сопоставительный анализ результатов тестирования учеников венгерской школы в Солотвине и румынской школы в Тирасполе позволили нам выявить национальную специфику некоторых морфосинтаксических интерференций. Ученики венгерской школы должны были перевести с венгерского на русский предложение *A városban sok magas és új ház van* (т. е. «в городе много высоких и новых домов»). 40% опрошенных вместо ожидаемой конструкции «много + род. п. мн. ч.» написали им. п., а 10% употребили род. п. ед. ч. из-за неоспоримого влияния родного венгерского. Остальные 60% поставили существительное в род. п. мн. ч. В анализе результатов теста мы не брали во внимание правописание, а лишь «звучание» ответов, так как большинство солотвинских респондентов никогда не изучало русский язык в рамках учебных заведений. В вышеприведенном предложении можем заметить и колебание в употреблении глагола бытия в речи детей.

⁶ Aknaszlatinai Bolyai János Középiskola. Мы выражаем благодарность преподавательнице английского языка этого учебного заведения Виктории Андюш (и всей ее семье) за длительную помощь в проведении тестов и нашей полевой работы в Солотвине в общем.

⁷ Liceul teoretic Lucian Blaga din Tiraspol. Огромное спасибо Александру Мельничуку, будущему социологу, за бесценную помощь в тестировании тираспольских школьников.

⁸ Школа № 1 с украинским и русским языками обучения из Солотвина. Благодарим учителей этой школы за предоставленную информацию и помощь в сборании материала. Мы особенно признательны Марии Людвиговне Петерко (Marica Peterko) и Марии Александровне (Морики) Петенько-Ципле.

⁹ Средняя общеобразовательная школа-интернат с. Парканы, где большинство жителей болгарской национальности.

При переводе венгерского глагола бытия *van* примерно 40% учеников не использовали русскую соответствующую форму *есть*, а 40% поставили глагол бытия в конце русского предложения под прямым влиянием позиции венгерского глагола: *В городе много високий і новиє дома естѣ*¹⁰ (С. А., 13 лет, венг. шк., 2008 г.); *В городе много балшых и новых дамов естѣ* (М. С., 17 лет, венг. шк., 2008 г.). Использование глагола *есть* в конце предложения может объясняться и старанием детей дословно перевести венгерское предложение. Естественно, письменный перевод может вызвать у билингвов даже такие ошибки, которые обычно в устной речи не встречаются (такой является и позиция глагола бытия в конце предложения, чего мы никогда не слышали в устной речи учащихся). Глагол *есть* фигурировал на втором месте в предложении только в случае перевода с румынского: *В городе естѣ много домов...* (Ф., 14 лет, рум. шк., Солотвино, 2008 г.).

То же самое предложение переводили и ученики Тираспольского румынского лицея, но на этот раз с молдавского языка: *Ын ораш сынт мулте касе ыналте ши ной*. Как и в венгерском предложении, глагол бытия *сынт* 'есть' также фигурирует во мн. ч., но во второй позиции после определения места *ын ораш* 'в городе'. Для молдавских билингвов особую трудность составляет постпозиция румынских прилагательных по сравнению с глаголом и существительным. 72% опрошенных сохранили глагол *есть* и в русском переводе, и так же, как в молдавском оригинале, он фигурирует на втором месте: *В городе естѣ много новых и високих домов* (Д. А., 13 лет, рум. шк., Тирасполь, 2009 г.). В этой позиции в нормативном русском языке употребление глагола *быть* не является грубой ошибкой. Заметим, что один тираспольский ученик поставил глагол *есть* в скобках, что показывает высокую языковедческую чувствительность маленького респондента. Под влиянием румынского языка 34% тираспольских румыноязычных школьников поставили прилагательные после существительного: *В городе естѣ много домов високих и новых* (М. А., 13 лет, рум. шк., Тирасполь, 2009 г.). Всего лишь 10% опрошенных пользовались им. п. вместо род. п., но только в случае прилагательных, например, в предложении *В городе ести много домов високие и новые* (К. Т., 13 лет, рум. шк., Тирасполь, 2009 г.).

Результаты теста показали значимую разницу между венгрозязычными и румыноязычными учениками, так как в случае переводов язык оригинала (т. е. родной язык респондентов) порождает разные типы интерференции.

Такую постпозицию прилагательного (или притяжательного местоимения) по сравнению с существительным мы обнаруживали не только в искусственных речевых произведениях, т. е. в переводах, но и в более спонтанных письменных работах, сочинениях на свободную тему «Мой город», «Моя семья»: *в селе естѣ дома високие* (К. А., 10 лет, русск. кл., Солотвино, 2007 г.); *и у нас естѣ дама високие* (П. М., 9 лет, русск. кл., Солотвино, 2007 г.); *с подругами моими; в городе моем много цветов* (Р. Д., 16 лет, русск. кл., Солотвино, 2007 г.), что является неоспоримым влиянием румынского синтаксиса на русский. Интерференция данного типа может быть усилена и венгерским языком, в котором притяжательные местоимения имеют форму постфиксов (ср. *a barátnőimmel, a városomban*).

¹⁰ Мы приводим письменные ответы респондентов в оригинальной форме, без исправления орфографических ошибок, которые для большей точности мы будем выделять жирным шрифтом. Письменные примеры маленьких солотвинцев нередко напоминают фонетическую транскрипцию. Но это не удивительно, особенно в случае детей, которые выучили русский язык буквально на улице, в основном в общении с иноэтническими сверстниками.

В местном русском языке нам кажется укоренившимся и украинизм *у мене*, который мы очень часто замечали в устной речи солотвинцев: см., к примеру, *В принципе нет у мене уже этих нервов* (продащица, 35 лет, венгерка, Солотвино, 2008 г.). О распространении и «регулярном употреблении» таких форм как *менé, тебе́, себе́* и в других русско-язычных регионах Украины еще с 50-х годов прошлого столетия говорит и Е. Н. Степанов (см. СТЕПАНОВ 2004: 417).

На морфологическом уровне могут заимствоваться и отдельные грамматические конструкции. Во время языковых контактов могут «переноситься» из одного языка в другой и отдельные морфемы. В речи учеников мы неоднократно замечали интересную форму аналитической сравнительной степени: *май дале* (т. е. ‘дальше’), *май краше* (т. е. ‘красивее’), которая скалькирована с румынской конструкции (*mai* ‘более’), но с добавлением «украинизированных» форм прилагательных (*дале, краше*). Это – избыточная форма сравнительной степени, которая выражена синтетическим (*краше*) и аналитическим (*май*) способом. Это явление было приведено в пример У. Вайнрайхом в связи с вероятностью перенесения морфем в процессе языковых контактов. Опираясь на исследования К. Раковицэ, который в 1930-е гг. изучал язык украинско-румынских билингвов, У. Вайнрайх объясняет «уживчивость» данного явления тем, что «для замещения более связанной морфемы, которая в выполнении данной функции обладает большой вариативностью, вероятнее всего будет использована эквивалентная ей относительно несвязанная морфема» (ВАЙНРАЙХ 1979: 63). В случае украинского и румынского языков прилагательные изменяются по степеням сравнения, но согласно разным способам формирования сравнительной степени: в украинском сравнительная степень выражается с помощью связанного безударного суффикса (часто с изменениями в корне слова). В румынском же языке используется более четкая модель: чтобы образовать сравнительную степень, перед прилагательным ставится отделяемая частица *mai*, а само прилагательное сохраняет неизменную форму. «По некоторым данным, в ситуации украинско-румынского контакта двуязычные практикуют усиление собственной украинской формы сравнительной степени с помощью перенесенной румынской морфемы *mai* (в результате получается нечто вроде избыточного сочетания *more older* ‘более старший’)» (ВАЙНРАЙХ 1979: 63). По словам В. А. Виноградова, мы имеем дело в данном случае с явлением «диаморфии» (ВИНОГРАДОВ 1990: 197).

В чисто морфологическом плане отметим как специфику местного русского языка вставной *л* и во мн. ч. после губных согласных: *мы купляли дом; кроме румынского, **н**равляется английский...; звери **г**отовлятся к зимней спячке* (из сочинений школьников русских классов, Солотвино, 2007 г.). Вероятнее всего, эта «диаморфия» имеет место под влиянием украинского просторечья.¹¹ На украинских веб-страницах мы обнаружили более двухсот тысяч случаев формы *купляли* как в русском, так и в украинских текстах, что доказывает существование этого явления в русской речи на Украине.

Другие распространенные глагольные формы – ошибочные с точки зрения русского кодифицированного литературного языка – это *мы хóчем, вы хóчете*. Эти глагольные формы считаются регулярной подсистемной чертой современного русского языка Украи-

¹¹ «В синтаксисе русской разговорной речи на Украине в конкретных условиях его реализации могут проявляться черты, граничащие с нарушением нормы, сближающие его с диалектным и просторечным синтаксисом» (ИЖАКЕВИЧ 1981: 306).

ны, который стремится к «приравниванию форм разноспрягаемых глаголов» (СТЕПАНОВ 2004: 422).

В случае возвратных глаголов солотвинцы предпочитают в повелительном наклонении передупрощенный возвратный постфикс *-ся*: *Научися говорить!* (Э. А., 63 года, венгерка, Солотвино, 2011 г.); *Смотри, не влюбися!* (Т. В., 38 лет, венгерка, Солотвино, 2008 г.). Оказывается, что и данное явление может быть следствием влияния украинского языка: «Под влиянием украинского языка, в возвратных глаголах которого *-ся* не имеет стилистически нейтральных вариантов, *-сь* после гласных иногда заменяют на *-ся*» (СТЕПАНОВ 2004: 421).

В солотвинском местном русском языке функционируют все синтаксические конструкции, кодифицированные в русском литературном языке. Для выражения одинаковых семантических отношений говорящие употребляют как литературные, так и нелитературные варианты синтаксических конструкций. Нелитературные варианты могут объясняться использованием просторечного варианта, который часто граничит с синтаксической интерференцией. Интерференция на синтаксическом уровне обычно проявляется в нарушении управления. «Вариативность синтаксических конструкций вызвана разными факторами: внутренними тенденциями развития языка, а также влиянием диалектов и иностранных языков» (Тукова 2006: 165). Контаминацию синтаксемы «*над* + тв. п.» с синтаксемой «*с* + род. п.» мы заметили в высказываниях типа *все с него смеются; мы с него смеялись* (Т. В., 41 год, венгерка, 2011). Е. Н. Степанов объясняет это явление влиянием южных русских диалектов, а также украинского языка (СТЕПАНОВ 2004: 430). В книге Г. П. Ижакиевич говорится, что «одним из наиболее распространенных проявлений интерферирующего воздействия украинского языка на русскую разговорную речь, функционирующую в республике, выступает перенос сочетаемостных свойств украинских управляющих форм на соотносительные русские формы. [...] Чаше, естественно, интерференция наблюдается при совпадении основ глаголов с неодинаковым управлением: *С тебя уже все смеются; Мама соскучилась за тобой* (ср. укр. *сміятися з кого / з чого, скупати за ким, за чим*)» (ИЖАКЕВИЧ 1981: 312).

Под влиянием украинского языка регулярной является корреляция директивной кодифицированной синтаксемы «*к* + дат. п.» и некодифицированной синтаксемы «*до* + род. п.»: *Я зайду до вас / к вам* (в укр.-русс. школе, Солотвино, окт. 2007 г.). Подобное явление встречается в русских говорах всех регионов Украины. Некоторые исследователи связывают данную корреляцию с «процессом ограничения употребления в русской речи Украины предлогов, которые не функционируют в украинском языке» (см. ИЖАКЕВИЧ 1981: 315).¹²

В выражении медиатива преобладает конструкция «*с* + тв. п.»: *я с автобусом ехал; с поездом мы приехали* (А. М., 16 лет, отец – румын, мать – венгерка, 2011 г.). Несмотря на двойной вопрос полевого работника с конструкцией «*на* + пред. п.» (*На чем вы туда ездили?*), респондент отвечает конструкцией «*с* + тв. п.», ставшей привычной и общеиспользуемой в Солотвине из-за похожих субстратных конструкций румынского (см. *am ters cu autobusul / cu trenul*), а также и венгерского (см. *busszal / vonattal érkeztünk*) языков.

¹² См., к примеру, *С завтрашнего дня я приступаю до кухни и буду готовить, что я умею* (из передачи *Міння жінку* 3. 6-й выпуск от 22.03.2011. <http://kinovik.net/show/ukraine/15-menyayu-zhenu-3-mnyayu-zhnku-3-2011.html>).

Е. Н. Степанов также заметил продуктивность данной конструкции в Одессе, но он объясняет ее влиянием немецкого и языка идиш (Степанов 2004: 408–409).

Курьезное выражение мы слышали в речи детей: *он уходил с твоей кепкой* (вместо ‘в твоей кепке’); *он ел с моей вилкой*. В этих выражениях возможно влияние румынской конструкции с предлогом *си*, которая используется и в ассоциативном, и в инструментальном значении. Е. Фодор также заметил подобные «случаи недифференцированного использования конструкции с творительным падежом (с предлогом и без предлога) при выражении ассоциативного и инструментального значений, которые в румынском языке выражаются одной конструкцией» (Фодор 1973: 203).

Венгеризмом можно с уверенностью считать следующее выражение локатива: вместо синтаксемы «*по* + дат. п.» используется синтаксема «*в* + пред. п.»: *выступать в телевизоре* (Е. Р., 45 лет, венгерка, Солотвино, 2011 г.); *в телевизоре показывали* (Т. В., венгерка, 41 год, 2011 г.) от венг. *a tévében szerepelt, a tévében mutatták*.

Также венгеризмами можем считать особый порядок слов в посессивной конструкции: *моей матери крестная* (А. Д., румын, 2011 г.); *мужа сестра там работает* (Т. В., венгерка, 2008 г.); *у Крылова отец умер* (В. Д., русск. 6 класс, Солотвино, 2007 г.). В венгерском языке в притяжательной конструкции обладатель предшествует обладаемому (ср. венг. *anyát keresztanyja; a férjem nővére ott dolgozik; Krilov apja meghalt*).

В спонтанной речи наших информантов для выражения наличия мы чаще всего слышали конструкцию «*иметь* + вин. п.», которая вдоволь встречается в русском языке всей Украины¹³ и считается украинизмом: *Евро я не имею; Я ж не имею евро!* (продавщица, 50 лет, венгерка, бар «Марамуреш», 2009 г.); *если буду иметь время; имею еще друзья там, в украинской школе, и в румынской тоже, и по-русски говорим* (А. М., 16 лет, отец – румын, мать – венгерка, Солотвино, 2011 г.). Так, Е. Н. Степанов, исследуя русский язык Одессы, говорит, что русский язык принадлежит к языкам типа *быть*, а украинский является «языком переходного типа» от языков типа *быть* к языкам типа *иметь*. «Корреляция посессивных конструкций с *быть* и с *иметь* является нормативной в одесском городском койне, который этим приближается к литературному украинскому языку» (Степанов 2004: 434–435). Предпочтение конструкции с *иметь* в одесском русском говоре считалось немецким наследством.¹⁴ Заметим, что на солотвинский языковой узус влияет и румынский язык, который также является языком типа *иметь*.

3. Замечания по поводу использования глагольного вида в местном русском языке.

В Солотвине, согласно национальному составу, действуют три школы: венгерская, румынская и украинская, в которой есть и класс с русским языком обучения. Заметим, что ни в венгерских, ни в румынских, ни в украинских классах не преподается русский язык. Но, несмотря на это, на улицах Солотвина можно услышать русский язык и от детей, и от подростков, и тем более от старшего поколения. Это уникальная ситуация спонтанного выживания русского языка без какой-либо официальной поддержки со стороны украинского государства.

¹³ См. также замеченные «синтаксические нарушения», связанные с глаголом *иметь*: «он имеет два высших образования» (Андерш–Баландина 1999: 491).

¹⁴ Е. Н. Степанов цитирует статью В. М. Дорошевича с 1895 года: «Добрые немцы привезли в Одессу секрет великолепного приготовления колбас и глагол *иметь*». Но сам Степанов отвергает эту теорию, считая источником данного явления украинский язык (Степанов 2004: 436).

Одно из самых трудно осваиваемых грамматических категорий русского языка в процессе обучения – это, несомненно, категория вида и способов действия. На это указывают последовательно и исследователи национально-русского двуязычия в 1970-е гг.: «Интерференция в области глагольных категорий наиболее ярко выражена в употреблении вида. Эта категория продолжает оставаться большой трудностью и на второй ступени двуязычия» (ДЕШЕРИЕВ 1976: 251).

Языки, входящие в солотвинскую языковую картину, относятся к разным языковым семьям: русский и украинский принадлежат внутри славянской семье к одной и той же восточнославянской группе и, по словам Л. Ясаи, с точки зрения глагольного вида формируют «одну территориальную группу», хотя и наблюдаются «некоторые расхождения», например, сужение двувидовости в украинском языке по сравнению с русским (KRÉKITS–JÁSZAY 2008: 162). Румынский язык относится к романской семье индоевропейских языков, тогда как венгерский принадлежит финно-угорской языковой семье, которая в свою очередь является ветвью уральских языков. Таким образом, все три языка представляют собой разную языковую систему, и, конечно, в них по-разному функционирует и интересующая нас видовременная система. В современном русском языке категория вида выражается в обязательном и последовательном порядке во всех глагольных формах. Л. Ясаи, считаясь со множеством трудностей и возможностей определить вид, дает следующую дефиницию: «Славянский вид является морфологической категорией, характеризующей протекание действия во времени изнутри, выражая отношение действия к своему пределу, и находящей формальное выражение в противопоставлении двух рядов грамматических форм по признаку наличия / отсутствия ограниченного пределом целостного действия в рамках одного лексического значения» (ЯСАИ 1998: 142).¹⁵

В языках, как венгерский (а также и румынский), где выражение вида не обязательно и не подчиняется строгим формальным правилам, как в русском (префиксации, суффиксации), категория вида также представлена, но формализована в разной степени. В принципе, возможно, что формальных средств нет, тем не менее, вид выражен посредством временной последовательностью, одновременностью или лексическим значением глагола. Венгерский язык является прекрасным примером вариативных средств выражения глагольного вида: глагольные приставки, разные аффиксы, постпозиция или дублирование приставки, выбор артикля, характер объекта, лексическое значение глагола, дополнительные лексические средства, выводимость значения из контекста и т. д. (подробнее см. JÁSZAY 2000: 7).

В румынском языке, как и во всех романских языках, категория времени включает в себя и значение вида. Согласно большинству современных исследователей, категория вида в романских языках представлена «противопоставлением сложных (аналитических) и простых глагольных форм, с точки зрения других, она выражена противопоставлением

¹⁵ Знаменитый французский славист начала прошлого века А. Мейе, с привычным своим презрением ко всему «нефранцузскому», охарактеризовал славянский вид как «ветхий остаток» древних времен, как «среднеотвлеченное» понятие: «Les langues slaves, au contraire, sont les plus archaïques. Elles ont gardé dans leur grammaire une infinité de vieilleries [курсив – А. П.]: les noms ont encore une déclinaison; grand nombre de cas et de formes variées suivant les types; les démonstratifs et adjectifs se fléchissent autrement que les substantifs. Le verbe a une flexion à formes très diverses, exprimant des notions subtiles et de caractère médiocrement abstrait [курсив – А. П.]: la considération du degré d'achèvement de l'action y domine, et non la notion relativement abstraite du temps» (MEILLET 1915: 201).

имперфекта / перфекта, третьи признают ее в обеих оппозициях, четвертые считают, что грамматический вид свойствен всем формам» (Пицкова 1982: 22).

Ввиду вышесказанного, в плане видовых интерференций, в отличие от рассмотренных выше фонетических и грамматических особенностей местного русского языка, ожидается больше интерференций со стороны венгерского и румынского языков, чем со стороны украинского языка, принадлежащего к той же видовой территориальной группе. Интерференции, несомненно, существуют между русским и украинским, но они касаются в основном «средств выражения видовой парности», т. е. выражаются в ошибочном употреблении глагольных префиксов, которые квалифицируются в первую очередь как «лексические, а не морфологические ошибки» (Соколова 2004: 172). Подобные интерференции мы также заметили в местном русском языке, и рассматривали их как лексические интерференции: подробнее см. рассмотренные в главе 4.2. глагольные формы *не повернулся* (вместо 'не вернулся', ср. укр. *не повернувся*); *врезать вам кусок масла* (вместо 'отрезать вам', ср. укр. *відрізати вам шматок масла*); *запой песню* (вместо 'спой', ср. укр. *заспівай пісню*). Формальные средства выражения видového значения отличаются довольно часто в этих близкородственных языках, но «семантические отношения в парах всегда совпадают» (Соколова 2004: 174). Поэтому в плане употребления видовых значений украинский язык не способен создавать ошибочные интерференции в русском.

Е. Н. Степанов замечает, что в русской речи Одессы до первой половины XX века часто использовались неправильные видовые формы под влиянием не украинского, а таких языков, которые «не имеют категорию вида глагола и не различают глаголов движения по направленности действия», как греческий, еврейский, немецкий, армянский и др.¹⁶ Видовые интерференции могут даже привести к обязательному выражению несуществующих в первом языке видовых значений.¹⁷

Чтобы зафиксировать использование глагольного вида, мы пользовались тестами с упражнениями по глагольному виду,¹⁸ сочинениями школьников, целенаправленными переводами с румынского и венгерского языков на русский.

Тест, проведенный в украинско-русской школе Солотвина и в русской школе Тирасполя (Парканы), дал следующие результаты: в Солотвине в тесте принимало участие 59 учеников из русских классов в возрасте 11–16 лет и 34 – из украинских классов в возрасте 11–16 лет. Изначально в анкетировании принимало участие 99 учеников, но оказались

¹⁶ Например: «– *Перестаньте сказать*, – ответил доктор. Урожай, *будем сказать*, ничего (замість *говорить*). Вопил он, *летая* вниз (замість *летя*)» (Степанов 2004: 422). По поводу греческого и немецкого языков, мы согласимся с одесским языковедом лишь по поводу отсутствия отдельной категории глаголов движения, которую мы также затрагивали в наших тестах, и хотели бы в будущем изучить основательнее.

¹⁷ „Eine sehr wichtige Erscheinung im Sprachkontakt ist der Ausbau von grammatischen Kategorien, die in der Kontaktsprache grammatikalisiert sind. So gibt es zum Beispiel im Deutschen keine grammatische Markierung von Aspektualität: *er arbeitet gerade*“ (RIENL 2004: 93).

¹⁸ Даже в сугубо научно-теоретических исследованиях об использовании вида в славянских языках, как мы видели в работе Л. Ясаи, тесты такого типа оказываются очень полезными (тест о двувидовых глаголах см. KRÉKITS–JÁSZAY 2008: 308–313). В составлении наших тестов по использованию глагольного вида мы пользовались практическим пособием А. А. Караванова по употреблению видов русского глагола для иностранцев, изучающих русский язык (см. КАРАВАНОВ 2004).

пригодными ответы только 93 учеников.¹⁹ В Приднестровье тест заполняли 37 учеников из класса с русским языком обучения в возрасте 13–16 лет. Из двадцати двух предложений теста мы выбрали четыре, в которых видовая оппозиция более однозначна, но в то же время требует от носителя языка очень четкую «видовую» осведомленность, так как в случае видовых значений говорящий на русском языке или уже говорящий на нем «иностранец» (если иметь в виду нынешние границы официального русского языка) имеет дело с очень «пестрой», «разношерстной», «разнохарактерной» и «чрезвычайно широко разбросанной» системой (см. КАРАВАНОВ 2004: 11).

Одну из главных трудностей для иностранцев представляет использование НСВ, когда говорящего интересует не само действие, а его обстоятельства, в предложении типа *Кто полил / поливал цветы? Земля была очень сухая*. В вопросе такого типа говорящего интересует не производитель действия и не само действие, а именно обстоятельство его совершения. 67% респондентов из русских классов, 53% из украинских классов Солотвина и 54% из русских классов Тирасполя использовали НСВ. Как мы видим из полученных результатов, этот нюанс НСВ оказался трудноуловим и для наших маленьких билингвов как из Закарпатья, так и из Приднестровья.²⁰ Заметим, что данная задача имела двойную трудность: с одной стороны, мы имеем дело со «слабым видовым противопоставлением», а с другой стороны – «контекстуальные средства и ситуативный фактор» являются решающими при выборе вида в этом примере (см. РАССУДОВА 1982: 52).

Похоже, употребление НСВ и в вопросе типа *Вы когда-нибудь выступали / выступили по телевизору?*, где говорящего интересует просто общий факт, произошло ли данное действие или нет. Но в отличие от первого примера, где почти половина респондентов предпочли СВ, в этом предложении почти все респонденты выбрали НСВ: в русских классах Солотвина 95% респондентов, в украинских классах – 85%, а в Тирасполе – 100%. Присутствие неопределенного наречия *когда-нибудь*, несомненно, повлияло на правильный выбор неопределенного НСВ в этом случае.

В предложении *Он несколько раз поступил / поступал в университет* правильным (или желательным) является употребление НСВ так как изначально подразумевается тот факт, что абитуриент поступал в тот же самый институт, но каждый раз неудачно. В таком случае мы имеем дело с «безрезультатным действием», а результативный глагол, который указывает на «недостигнутость результата», в сочетании с выражением *несколько раз* и ему подобными, должен иметь форму НСВ (см. КАРАВАНОВ 2004: 51). Это значение имперфектива почувствовали все 100% респондентов из русской школы Тирасполя. В русских классах Солотвина 75% школьников написали *поступал* (НСВ), и почти столько же из украинских классов Солотвина (79%). В одном устном переводе, в котором участвова-

¹⁹ На некоторые предложения мы получили очень интересные варианты ответа, но которые не имеют к глагольному виду никакого отношения. Так, например, на вопрос *Кто первым полетел / летел в космос?*, в котором нужно было выбрать глагол СВ или НСВ, двое респондентов ответило: *Юрий Гагарин*. Это несомненно так, но исследователю функционирования глагольного вида в многоязычном сообществе такой ответ, к сожалению, не в помощь. Были и такие ответы, в которых были пропущены именно решающие буквы (т. е. видоотличающие *и* и *а* / *я* в основе таких глаголов, как *получить* / *получать*, *сменить* / *сменять*). Во всех тестах или анкетах мы должны считаться с тем, что часть ответов будет непригодна.

²⁰ Подобные примеры приводит и Л. Ясаи, см. *Кто (на)писал «Войну и мир»?*, в котором единственно правильным считается СВ. Но данная модель не всегда однозначна, например, вопрос *Кто строил Зимний дворец?* абсолютно нормативен наряду с использованием СВ. Специальная литература не в состоянии объяснить это колебание в узусе глагольного вида (KRÉKITS–JÁSZAY 2008: 267–268).

ли 45-летняя мать и 17-летняя дочь, мы услышали исчерпывающее объяснение значения перфектива в этом примере. Нужно было перевести с венгерского на русский *Többször felvételizett az egyetemre*. Е. Р. (45 лет, венгерка, 2011 г.) начала перевод с использованием СВ: *Много раз поступил в университет*. Дочь (которая, напомним, никогда не учила русский язык в учебном заведении) сразу же заметила ошибку и объясняет матери: «*Nem! 'поступил' az akkor már felvették!*» (венг.: 'нет! *поступил* – это значит, что уже приняли!'). Мать незамедлительно исправилась: *Много раз поступал в университет*.

Интересные расхождения в результатах мы получили в предложении *За год он три раза сменял / сменил квартиру*. В этом примере СВ, сочетаясь с выражением *три раза*, указывает на «накопление» действий, на их суммирование (КАРАВАНОВ 2004: 52–53). Однако в данном случае, в отличие от предыдущих примеров, лучший результат показали солотвинские русские классы, из респондентов которых 91% выбрали СВ, в то время как в украинских классах этого закарпатского города лишь 65% выбрали правильный вариант. В Тирасполе СВ написали 78% учеников.

Сделаем также несколько общих замечаний по поводу использования глагольного вида, без уточнения процентных соотношений. В примере: *Кто не делал / сделал ошибок в своей жизни?* в большинстве случаев дети из Солотвина ошибочно выбрали глагол СВ *сделал*. Это общефактическое значение НСВ в данном предложении еще более явно выражено, благодаря дополнению в род. п. *ошибок*, но, несмотря на это, они предпочли СВ. Тираспольские респонденты в большинстве случаев предпочли НСВ.

Использование глагола в значении повелительного наклонения НСВ для возобновления прерванного действия также оказалось проблематичным для маленьких полиглотов. В примере *Я покрасил уже половину забора. Еще красить / покрасить?* примерно половина солотвинских респондентов использовали опять же СВ.

Из вышеприведенных примеров мы видим, что тираспольские ученики более уверенно используют видовые значения. Среди учеников русских и украинских классов Солотвина, как ни странно, мы обнаружили значимую разницу. Несмотря на близкородственные видовые оппозиции в обоих языках, дети из украинских классов более «неудачно» выполнили тесты по глагольному виду. Возможно, объяснением данного факта служит не влияние языкового субстрата, а лишь личные способности учеников. На эту мысль нас наводит и замечание директора тячевской школы О. П., которая считает, что «в классы с русским языком обучения отдают более способных детей родители с высшим или средним образованием, которые понимают, что знание еще одного языка пойдет только на пользу ребенка».²¹ Другое объяснение этой разницы можно найти и в возрасте детей. Видовые интерференции медленно искореняемы, как справедливо заметил Ю. Дешериев на примере речи эстонских школьников: «Видовые значения в эстонском языке выражаются аналитически. В программном минимуме соотносительные видовые глагольные пары русского языка предложены для заучивания, однако на первой степени двуязычия их категориальная семантика еще плохо различается учащимися» (ДЕШЕРИЕВ 1976: 218).

В случае венгерской школы Солотвина и румынской школы Тирасполя, мы предлагали респондентам перевести одинаковые по смыслу предложения с венгерского и, соответственно, с румынского на русский язык. В тесте с переводом участвовали 26 респондентов

²¹ Из интервью с директором бывшей русской школы г. Тячева, которая сегодня носит название «Тячівська загальноосвітня школа № 2», О. П. в октябре 2007 г.

из венгерской школы Солотвина и 55 из румынского лицея Тирасполя в возрасте 13–16 лет.

Мы выбрали следующие более «проблематичные» примеры (из 22 предложенных венгроязычным ученикам), чтобы проиллюстрировать различия в переводе вида: 1. *Szeretek leveleket kapni*; 2. *Ne nyissa ki az ablakot, mert ma hideg van*; 3. *Ne mondjátok meg Évának, milyen ajándékot vettünk neki*. Румыноязычным тираспольцам были предложены для перевода их эквиваленты. Заметим, что тесты были предложены детям на румынском языке латиницей и кириллицей (т. е. на анахроническом молдавском, который остался государственным языком в Приднестровье до сих пор):²² 1. *Біль плаче сз примеск скрисорь*; 2. *Ну дескидець жеамул, азь е фриз*; 3. *Ну спунець Александрей, че кадоурь й-ам кумпэрат*.

В первом предложении (*Я люблю получать письма*) большинство венгроязычных респондентов перевело глаголом НСВ (85%), тогда как в Тирасполе 99,8% (т. е. 54 из 55) учеников перевели данное предложение правильно.²³ Во втором примере (*Не открывайте окно, сегодня холодно!*) имперфектив предпочли лишь 65% солотвинцев, в то время как тираспольцы опять же «выступили» буквально безошибочно и в употреблении императива с отрицанием сознательного, преднамеренного действия (99,4%). В третьем примере (*Не говорите Еве / Александре, какой подарок мы ей купили*) мы обнаруживаем самый высокий процент неправильных ответов у венгроязычных школьников Солотвина: 38% респондентов перевели *Не скажите...* В Тирасполе мы получили 100% правильных ответов, т. е. респонденты написали формы НСВ (*не говорите* или *не рассказывайте*).

Специально для венгерских респондентов мы приготовили отдельную пару для перевода на русский: *Nyisd ki az ajtót! / Nyiss ajtót!* ('Открой дверь!'). Различие в этих двух императивных предложениях буквально не переводимо на русский язык. В предложении *Nyiss ajtót!* ударение ставится меньше на объект, чем на само действие и его результат (смысл этой фразы скорее можно передать по-русски как 'дай ему войти'). В префиксальном варианте *Nyisd ki az ajtót!* нет такого оттенка, он соответствует русскому нейтральному побуждению к действию, выраженному глаголом СВ (*Открой дверь!*). В этом провокационном упражнении школьники должны были каким-то образом решить, с одной стороны, оппозицию между определенным и неопределенным объектом действия (*az ajtót / ajtót*), а с другой стороны, передать венгерский преверб *ki*, который обычно содержит видовое значение, в то время как в русском языке видовая пара глагола *открыть* образуется путем добавления имперфективного суффикса *-ыва-*. Из всех заданных упражнений, самые разнообразные ответы мы получили именно в связи с этими двумя предложениями. Из 27 респондентов 10 постарались выразить разницу между ними оппозицией СВ–НСВ,²⁴ 8 из них перевели *открой* формой *nyisd ki*, а 2 респондента – *открывай*. Трое попытались выразить разницу изменением порядка слов (*открой дверь! / дверь открой!*). Двое учеников даже попытались как-то выразить венгерский определенный артикль (*открой дверь /*

²² Для экономии места мы приведем лишь примеры кириллицей (а также, из солидарности со шрифтом данной работы).

²³ Мы не принимали во внимание орфографические ошибки ни в случае приднестровских (где русский язык преподается в школе), ни в случае закарпатских респондентов (которые выучили / учат русский язык лишь в общении).

²⁴ П. Патрович указывает на связь между категорией вида и определенности / неопределенности дополнения, сравнивая венгерское и польское словосочетание, похожее на наш пример: *pisalem list – levelet írtam* vs. *napisalem list – írtam egy levelet* (PÁTRÓVICS 2004: 173).

открой двери). Четыре респондента написали тот же императив *открой дверь!* два раза, семь респондентов ничего не написали на *Nyiss ajtó!*, а один ученик соединил средства всех ему знакомых славянских языков и написал *открой* / *открый* (несомненно, под влиянием укр. *відкрий*).

Подытоживая результаты тестов по употреблению видовых пар, мы с удивлением обнаруживаем высокий процент правильных ответов даже в таких проблематичных случаях как выбор между непрефиксальными СВ и НСВ (см. видовые значения оппозиций *получить* / *получать*, *поступить* / *поступать*), в которых ни венгерский,²⁵ ни румынский языки не могут служить опорой в выборе правильной формы. В вышеупомянутых примерах румыноязычные респонденты из Тирасполя превосходно справились с задачей (около 100%), что свидетельствует практически о владении русским языком как родным. По поводу солотвинских респондентов, мы можем заявить, что большой процент их удачных ответов (особенно устных) также доказывает высокую степень владения устным русским языком, который они осваивают в процессе общения и спонтанной речи. В случае употребления видовых пар, интерференция с украинской грамматикой может даже оказаться «положительной» по сравнению с интерференциями из румынского и венгерского субстратов. Однако заметим, что их знания не имеют теоретической основы, и, скорее всего, свидетельствуют о «панграмматическом» подходе к вопросу глагольного вида. Объяснение одной ученицы 11 класса венгерской школы по этому поводу раскрывает перед нами всю проблематику видовых (и родовых) оппозиций русского глагола в многоязычном сознании. На вопрос «Какая разница между *открой* и *открывай*?», она неуверенно ответила: «Форма *открой* – это наверняка мужской род, а *открывай* – женский».²⁶

4. Заключительные замечания о состоянии русского языка в Солотвине и в Тирасполе. Мы видели, что русский язык в Солотвине выживал без никакой государственной поддержки, подвергаясь всестороннему влиянию близкородственного официального украинского языка и, в меньшей мере, неродственных румынского и венгерского языков, которые в сознании местных говорящих резко отделяются от языков славянской группы. Несмотря на то, что в советские времена стратегической целью считалось усовершенствование русского языка, объединяющего все советские нации, все-таки положительно относились и к «обогащающим» великую русскую речь украинизмам.²⁷ Но в основном, процесс был обратным: влиянию русского языка подвергались национальные языки, что

²⁵ Исходя из нашей преподавательской практики, мы с уверенностью можем заявить, что для изучающих русский язык венгров в Венгрии, которые усваивают язык не в общении, а только в учебных заведениях, процент ошибок гораздо выше. В наших дальнейших исследованиях мы имеем намерение проанкетировать будапештских студентов в качестве контрольной группы.

²⁶ Заметим, что эта ученица не была ни на одном уроке русского языка, но свободно владеет русским и активно им пользуется – по ее словам – на улице, с друзьями, в магазине.

²⁷ «Возникнув на уровне речи, интерференция может приобрести и языковой характер, то есть отклонения от норм могут привести к изменениям в самой языковой системе и соотношении некоторых элементов в ней. Так, отдельные элементы украинского языка, в том числе и структурные, проникнув в русскую речь на территории Украины и впоследствии выйдя за ее пределы, находят более широкое распространение и становятся в отдельных случаях достоянием русской нормированной литературной речи» (Ижакевич 1981: 300).

считалось неизбежным и поощряющим обновлением языка.²⁸ В связи с венгерско-славянским двуязычием того же периода Ш. Рот придерживался подобного примиренческого мнения, хотя он упоминает некоторые «языковые аномалии» под влиянием двуязычия.²⁹ Сегодня же в Солотвине нет инстанций, которые препятствовали бы интерференциям и «боролись» бы за чистоту русского языка (кроме, конечно, бывшего класса с русским языком обучения, в который ходило до 2015 года максимально 10% солотвинских учеников). Здесь русский язык имеет чисто практическую функцию общения с представителями других национальных меньшинств. По мнению П. Лайхонена и И. Черничко, исследовавших языки туризма в Закарпатье в 2019 году, эту практическую функцию русский язык продолжает выполнять как «инструментальная *lingua franca*» в сопоставлении с чисто символической функцией английского языка.³⁰ Функционирование разговорного русского языка как *lingua franca* хотя и способствует его дальнейшему «выживанию», в то же время не исключает его постепенное слияние с официальным украинским языком. Некоторые наблюдатели обеспокоены тем, что уровень знания русского языка и его грамотности уменьшается среди выпускников украиноязычных школ и пессимистически видят будущее русского языка вне русскоязычных сообществ на Украине, а также в Молдове.³¹ Кроме вышесказанного, также не в пользу русского языка влияет и тот факт, что «на Украине с 2020 г. закрываются школы с обучением на русском и других языках, кроме украинского. Первоначально речь шла о полном переходе на украиноязычное обучение, но под давлением Евросоюза несколько смягчили переход для языков его государств; например, распространенного в Закарпатье венгерского языка, но никак не для русского» (Алпатов 2020: 119).

Прогноз русского языка в Тирасполе намного оптимистичнее. В государственно-административной, а также в бытовой сфере приднестровской столицы русский имеет неоспоримое первенство, несмотря на три официальных языка. Он обязателен во всех школах Приднестровья. Все это напоминает так называемый «советский языковой *status quo*», который – в отличие от новых одноязычных государств – прокламирует *de jure* офици-

²⁸ В том же порядке идей вспомним, что некоторые синтаксические изменения в молдавском языке, которые сегодня отвергаются как грубые русизмы, 40 лет назад воспринимались очень одобрительно. Примечательно по этому поводу объяснение, одобряющее скалькированное по русской модели «работать инженером» молдавское выражение *a лукра инженер*: «...каждый носитель современного молдавского языка уже давно свылся с беспредложной конструкции глагола *a лукра*» (Чобану 1983: 51).

²⁹ «В результате лингвистической интерференции венгерско-украинских межъязыковых связей образовалось в синтаксисе закарпатского ареала северо-восточных диалектов и, частично, и в латеральных говорах секейских диалектов ряд языковых аномалий: а) сдвиги в глагольном управлении: *A fiam tanul az egyetemen*. (Бар.); б) изменения в согласовании (*Sok embereknél dógosztak*). (Рак.); в) сдвиги в порядке слов: *Mit én tudom*. (Рак.); г) изменения в употреблении глагольных наклонений (Вил.); д) сдвиги в употреблении объективного спряжения глаголов, его вытеснение субъективным: *En írok a levelet*. (Виш.) [...] в условиях перманентных, маргинальных и интрарегиональных языковых контактов генеалогически неродственных и структурно-типологически разных языков все языковые уровни, за исключением морфологического, проницаемы» (Пот 1973: 363–364).

³⁰ «Russian is still used as the instrumental *lingua franca* in the [Transcarpathian] region, in interethnic communication and in communication with tourists from other parts of Ukraine and as a major digital language» (LAINHONEN–CSERNICKÓ 2019: 161).

³¹ «Some observers are concerned that the level of Russian-language competence and literacy are decreasing among the graduates of Ukrainian-language schools [...]. In Moldova and western Ukraine derussification is at work, and while the Russian language is still present in the public space [...], its future outside of the Russian-speaking community is uncertain» (PAVLENKO 2008: 64).

альное многоязычие, но *de facto* способствует процветанию одного русского языка. Но нельзя забывать, что с внешнеполитической точки зрения Приднестровье подвергается двойному давлению со стороны Молдовы и Украины, а также Европейского союза.

Тем не менее, А. Золтан был уверен в том, что русский язык останется важным компонентом языкового пейзажа в Закарпатье и в дальнейшем: после обретения независимости Украины ситуация изменилась, но «русский язык и в дальнейшем продолжает быть языком повседневной коммуникации во многих городах Украины. [...] Учение украинского языка – потребность, но при этом желательно не забыть русский» (ZOLTÁN 2005: 532–533). Размышления одной местной школьницы подтверждают наблюдения ученого: «Я никогда не задумывалась, на каком языке мне общаться. Так случилось, что у меня много друзей разговаривает на русском языке. В моей семье родной язык украинский. [...] Хотя государственный язык украинский, но без русского никуда».³² Похожие мысли высказали и другие жители Солотвина: «Вот румынам и венграм легче на русском разговаривать, намного... и так это закоренилось»;³³ «Ну почему-то больше тянет на русский... Ну, можем разговаривать и по-украински, но вот привыкли по-русски, и дети наши привыкли».³⁴ Однако начавшийся в феврале 2022 года вооруженный конфликт между Россией и Украиной, несомненно, повлияет и на языковую ситуацию в регионе и особенно на роль русского языка в нем. Хочется верить, что русский язык все-таки продолжит существовать в регионе наравне с языками местных национальных меньшинств, ведь многоязычие и многокультурность также способствуют богатству цивилизованных стран.

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов 2020 = Алпатов В. М. Языковая политика и родной язык. *Социолингвистика* 2020/3: 114–124.
- Андерш–Баландина 1999 = Андерш Й., Баландина Н. Положение русского языка в Украине в целом и в бизнесе в частности. *Rossica Olomicensia* 38 (1999): 483–492.
- Вайнрайх 1979 = Вайнрайх У. *Языковые контакты*. Киев, 1979.
- Виноградов 1990 = Виноградов В. А. Интерференция. В кн.: *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва, 1990. 197.
- Высоцкая–Джунусалиева 2009 = Высоцкая З. И., Джунусалиева Г. Д. Интерференция как лингвистический феномен и ее проявление в условиях билингвизма близкородственных языков. *Мова*. № 14. Одеса, 2009. 25–33.
- Дешериев 1976 = Дешериев Ю. Д. (ред.) *Развитие национально-русского двуязычия*. Москва, 1976.
- Ижакевич 1981 = Ижакевич Г. П. (ред.) *Функционирование русского языка в близкородственном языковом окружении*. Киев, 1981.
- Караванов 2004 = Караванов А. А. *Виды русского глагола: значение и употребление*. Москва, 2004.
- Мечковская 2000 = Мечковская Н. Б. *Социальная лингвистика*. Москва, 2000.

³² Данная фраза взята из сочинения на тему «На каких языках я говорю» ученицы А. Д. (14 лет, Тячев, 2007 г.). Подробнее см. Палади 2008: 128–129.

³³ Из интервью с Э. А. (63 года, венгерка, Солотвино, 2011 г.).

³⁴ Из интервью с А. Д. (41 год, румын, Солотвино, 2008 г.).

- ПАЛАДИ 2008 = ПАЛАДИ А. Хочет ли еще Закарпатье говорить по-русски? (на примере школ с русским языком обучения Тячевского района). В кн.: *Русский язык в начале XXI века. Проблемы развития, функционирования, преподавания*. Pécs, 2008. 126–130.
- РАССУДОВА 1982 = РАССУДОВА О. П. *Употребление видов глагола в современном русском языке*. Москва, 1982.
- РОТ 1973 = РОТ А. *Венгерско-восточнославянские языковые контакты*. Budapest, 1973.
- СОКОЛОВА 2004 = СОКОЛОВА С. О. Видовые оппозиции глаголов в русском и украинском языках (к сопоставительному изучению). В кн.: ЧЕРТКОВА М. Ю. (ред.) *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*. Т. 4. Москва, 2004. 166–176.
- СТЕПАНОВ 2004 = СТЕПАНОВ Є. М. *Російське мовлення Одеси*. Одеса, 2004.
- ТУКОВА 2006 = ТУКОВА Т. В. Реклама в эфире как репрезентатор русско-украинской интерференции. *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского* 2006/3: 161–166.
- ФОДОР 1973 = ФОДОР Е. К вопросу о грамматической интерференции (на материале русского и румынского языка). В кн.: *Лингвистические основы и методические проблемы интерференции при изучении русского языка славянами*. София, 1973. 200–205.
- ЧОБАНУ 1983 = ЧОБАНУ А. И. Молдавско-русское двуязычие в диахронии и синхронии. Активизация некоторых синтаксических моделей в молдавском языке под влиянием русского языка. В кн.: *Социально-историческая обусловленность развития молдавского национального языка*. Кишинев, 1983. 40–51.
- ЯСАИ 1998 = ЯСАИ Л. Несколько замечаний по поводу дефиниции вида. В кн.: *Nemzetközi Szlavisztikai Napok VI*. Szombathely–Pécs, 1998. 139–143.
- JÁSZAY 2000 = JÁSZAY László: Megjegyzések az aspektus tipológiájához. *Modern Filológiai Közlemények* 2000/2: 5–17.
- KRÉKITS–JÁSZAY 2008 = KRÉKITS József, JÁSZAY László: Szláv igeaspektus, különös tekintettel az orosz nyelvre. Budapest, 2008.
- LAIHONEN–CSERNICKÓ 2019 = LAIHONEN P., CSERNICKÓ I. Expanding Marginality: Linguascaping a Transcarpathian Spa in South-Western Ukraine. In: KROON S., SWANENBERG J. (ed.) *Language and Culture on the Margins: Global / Local Interactions*. Routledge, 2019. 145–164.
- MEILLET 1915 = MEILLET A. Les langues et les nationalités. *Scientia* 18 (1915): 192–201.
- MOLDOVAN 2008 = MOLDOVAN Gh. *Politică și planificare lingvistică. Abordare teoretică și aplicativă*. Autoreferat. Chișinău, 2008.
- PÁTRÓVICS 2004 = PÁTRÓVICS Péter: *Az aspektus története és tipológiája*. Budapest, 2004.
- PAVLENKO 2008 = PAVLENKO A. Russian in post-Soviet countries. *Russian Linguistics* 32 (2008): 59–80.
- RIEHL 2004 = RIEHL C. M. *Sprachkontaktforschung. Eine Einführung*. Tübingen, 2004.
- ZOLTÁN 2005 = ZOLTÁN András: A kárpátaljai magyar nyelvhasználat sajátosságai. *Kisebbségkutatás* 14 (2005): 531–535.

ANGELA PALÁGYI

Department of Russian Language and Literature, Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary

Morphosyntactic Features of the Russian Language in Transcarpathian Solotvyno and Transnistrian Tiraspol

This paper presents the results of our fieldwork conducted from 2004 to 2011 in two trilingual cities: Solotvyno (Transcarpathian region, Ukraine) and Tiraspol (Transnistria, Moldova) and aimed to identify the functioning of Russian as an intermediary language between national minorities in these settlements: between Hungarians and Romanians in Solotvyno and between Moldovans and Ukrainians in Tiraspol. We made written notes and recordings of spontaneous speech as well as interviewed interlocutors. In order to identify the features of the local Russian language, respondents made written and oral translations, wrote essays, and filled out tests. Our goal was to identify similarities and differences between the two linguistic situations as well as to describe the local variant of Russian.

The first part of the paper presents the language communities under study, the peculiarity of which is, on the one hand, that in both cases, the languages of the ethnic minorities belong to different language families. On the other hand, Russian in Transnistria has the status of a state language along with Ukrainian and Moldovan and is taught in all educational institutions in Transnistria, while in Transcarpathia, like the rest of Ukraine, it has no official status. In Solotvyno, there is still a Hungarian and Romanian school along with Ukrainian but Russian has not been taught anywhere for the past 6 years. In spite of this, even local children continue to use Russian in communication with their foreign-speaking neighbours. Multilingualism has been preserved thanks to the Russian language, which has lost its connotation as the language of power and has become a “neutral” or “supra-national” *lingua franca*.

The second part of the paper describes some phonetic, lexical, and grammatical peculiarities of Solotvyno’s Russian language in comparison with the Russian language in Tiraspol. The local Russian language is subjected to the comprehensive influence of the closely related official Ukrainian language and, to a lesser extent, of the unrelated Romanian and Hungarian languages, which in the minds of local speakers are sharply separated from the languages of the Slavic group.

In the third part of this paper, we examine the results of tests on the use of the verbal aspect by schoolchildren in these localities. We paid special attention to the verbal aspect because it has no full-fledged analogue in Romanian / Moldovan or Hungarian, and its correct use proves the high level of linguistic proficiency. In the case of the use of aspectual pairs, the interference with Ukrainian grammar may even be “positive” as compared to the interference from Romanian and Hungarian substrata. However, the knowledge of Solotvyno’s schoolchildren has no theoretical basis, and most likely indicates a “pangrammatic” approach to the question of verbal aspect, as they master the Russian language in the process of communication and spontaneous speech.

In conclusion, we give examples from schoolchildren’s essays about local languages and some predictions about the possible future of the Russian language in the regions under study.

Keywords: multilingualism, state language, Russian as a *lingua franca*, Russian in the post-Soviet space, national minorities, interferences, the regional variant of Russian, verbal aspect

Open Access. This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original author and source are credited, a link to the CC License is provided, and changes – if any – are indicated. (SID_1)

